

Порой по ночам Шэнь Цзяци ворочалась, сон её был тревожным. Она словно проваливалась в бездонную яму, бесконечно падая вниз, а сны возвращали её в детство, в ту ночь, когда она плакала — и в доме, и за его пределами.

Туман в сновидении постепенно рассеивался, и картина становилась всё отчетливее.

В жилом комплексе при военном институте жило немало детей ровесников Шэнь Цзяци, и в городке то и дело устраивали семейные мероприятия. Каждый раз, когда институт проводил такие встречи, родители должны были присутствовать, чтобы помогать детям выполнять задания и набирать баллы, а в конце года лучших награждали.

Тогда Шэнь Цзяци было десять лет. Задание заключалось в том, чтобы под руководством родителей ребёнок самостоятельно завершил приготовление цзунцзы, а затем в одиночку доставил их к цели.

Шэнь Цзяци справилась первой, но, взглянув на соседнюю семью, где все дружно сгрудились вокруг своего ребёнка, наблюдая, как тот возится с угощением, она украдкой посмотрела по сторонам и убедилась, что рядом с ней пусто.

В одно мгновение весь её запал испарился.

Играть в одиночку — в этом не было никакого смысла, даже если ты победил.

Если всё бессмысленно, то чего же она тогда ждёт?

Образ той счастливой семьи навсегда отпечатался в её сердце, словно заноза, глубоко ранив её хрупкую детскую душу.

В их доме вроде бы и была семья, но чаще всего там царила тишина, и она оставалась совсем одна.

Из-за того, что она долго не видела Шэнь Чанфэна, вернувшись домой, она начала жаловаться Цзинь Няньэр. Чем больше она говорила, тем меньше могла себя контролировать, и вскоре затряслась в рыданиях, выкрикивая вопросы:

— Почему папа не возвращается! Почему ты не пришла на мероприятие! Вы... Мама, неужели папа нас бросил? Почему у всех остальных всё есть, а у меня нет!

На слове нет Шэнь Цзяци выкрикнула изо всех сил.

Цзинь Няньэр застыла на месте. Она никогда не видела, чтобы Шэнь Цзяци так плакала. Даже когда та после тренировок была сплошь покрыта синяками, она лишь улыбалась, качала

головой и говорила, что не больно, а отдохнув немного, снова приступала к занятиям.

Она не знала, что случилось с дочерью сегодня, и тут же бросила свои дела. Стараясь сохранять спокойствие, она присела перед ней и первой признала свою вину:

— Цзяци, мама виновата. Сегодня действительно было задание, от которого я не могла отлучиться. Я прошу у тебя прощения, прости меня!

Она твёрдо посмотрела дочери в глаза и продолжила:

— И ещё, Цзяци, мы тебя любим. Запомни эти слова раз и навсегда. Твой отец защищает эту страну, защищает каждого человека в этом городе, а значит, молча защищает и тебя! Его любовь — это то, что после долгой разлуки мы всё ещё можем встретиться живыми и невредимыми.

Цзинь Няньэр стала непривычно мягкой. Она стёрла слёзы с щек Шэнь Цзяци и, слегка улыбнувшись, добавила:

— Запомни, мы твои родители, и будем любить тебя вечно. В каком бы обличье мы ни оберегали тебя, ты всегда должна помнить эти слова, понимаешь?

Сказав это, она не выдержала и всхлипнула, слёзы хлынули из её глаз, но она быстро их смахнула.

Она не могла плакать! Нельзя плакать перед ребёнком!

Да и разве сама она не переживала?

От Шэнь Чанфэна не было вестей уже больше десяти дней!

Она тоже боялась: вдруг он получил ранение на задании, вдруг случилась беда?

Тревога, словно меч, постоянно висела над её душой, не давая покоя.

Даже самая сильная женщина втайне от всех проливает слёзы, но, глядя на маленькую дочь, она не могла позволить себе передать ей эту тяжесть.

Шэнь Цзяци поняла её слова, но всё равно не принимала их и не могла понять. Что такого хорошего в работе спецназовца?

Почему он никогда не бывает дома? Почему может так легко оставить их?

Другие дети в своих сочинениях писали, что, когда вырастут, хотят стать такими же, как их родители, хотят быть полицейскими и защищать страну. Шэнь Цзяци же написала, что, став взрослой, хочет лишь одного — проводить больше времени со своим ребёнком, готовить ей вкусную еду и видеть, как она растёт в безопасности.

<http://bllate.org/book/20936/2121273>